

Гоголь не брал в руки карты

Живое правдо. — 1994. — 19 окт. — с. 8.

Но лучше всех об этой губительной страсти написал именно Николай Васильевич

Гоголь любил Пушкина. А Пушкин любил карты. Вследствие этого Николай Васильевич испытал первое в жизни потрясение.

А было так. Приехав после гимназии в Петербург завоевывать мир, юный провинциал тотчас отправился к боготворимому Александру Сергеевичу. Чем ближе подходил к заветному дому, тем больше охватывала робость. У самых дверей резко повернул назад. Хватил для храбрости рюмку ликера и двинулся на приступ. «Дома ли хозяин?» — «Почивают!» — отвечивал слуга. «Верно, всю ночь работали?» — участливо спросил провинциал, твердо уверенный, что гений только тем и занят, что творит в ночной тишине бессмертные строки, а днем спит.

«Как же, работал, — проворчал слуга. — В картишки играл».

Гоголь признавался потом, что это был первый удар, нанесенный его школьной идеализации.

Сам Гоголь карты не любил. С детства. (Как и все игры вообще, разве что бильяром изредка баловался.) Единственный, пожалуй, из всех наших писателей прошлого века.

Но именно Гоголь, как никакой из литераторов-картежников, описал эту страсть. Превзошел самого Пушкина, игрока из игроков. Ну что было у Александра Сергеевича на эту тему, господа? «Шиковая дама», «Выстрел» — о метком стрелке Сильвио (сюжет явно автобиографический, Пушкин тоже после скандала за карточным столом в Кишиневе стоял на дуэли под выстрелом, выплевывая вишневые косточки!). Да что-то в стихах о губительной страсти к банку.

А теперь обратимся к Николаю Васильевичу. «Все мы вышли из гоголевской «Шинели!» — утверждал классик. Скучный был человек Баш-

П. Федотов. Игра в карты. Неоконченная акварель.

мачкин. «Даже в то время, когда все чиновники рассеиваются по маленьким квартирам своих приятелей поиграть в шуговой вист, рассказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню... даже тогда, когда все стремятся развлечься, Акакий Акакиевич не предавался никакому развлечению».

Ему бы и дальше вести такую праведную жизнь. Но... Справлена новая шинель. Сам помощник столоначальника приглашает Башмачкина на чай. Хотел откатиться Акакий Акакиевич, да вспомнил, что будет чрез то случай пройтись даже и ввечеру в новой шинели. Чиновники, естественно, похвалили обновку. А потом бросили Акакия Акакиевича, обратившись по привычке к столам для виста. Тут бы засветло и идти Башмачкину восвояси. Так ведь нет, дернула нелегкая, подсел и он к играющим. Лишь за полночь покинул компанию. И вытряхнули его из шинели грабители. А не присядь Акакий Акакиевич за карточный стол, вернулся домой вовремя, и не из чего было бы выходить всей отечественной литературе!

А вот еще занимательная штучка — «Коляска». Ею восхищался Толстой. А Чехов прямо заявлял, что «одна его «Коляска» стоит двести тысяч рублей. Сплошной восторг, и больше ничего. Это величайший русский писатель!»

Аристократ Чертокуцкий выиграл ту коляску в карты. И, расхваставшись на званом обеде у генерала, пригласил на завтра господ офицеров осмотреть приобретение. Приглашение приняли. И Чертокуцкий совсем уж забыл засобираться домой, чтоб приготовить к приему гостей. Да в комнатах генеральских раставили ломберные столики. Затянувшийся вист перемелся цуншем. Так что домы он выехал в три часа ночи. Очень помнил, что выиграл много, но руками ничего не взял. В отличие от Акакия Акакиевича Пифагор Пифагорыч благополучно добрался до постели, если не считать двух репейников в усах. Только вот о гостях забыл. И когда господа офицеры нагрянули в имение, спрятался в коляске. Где и обнаружил его бригадный генерал.

Полный конфуз. А в «Ши-

нели» — драма. И все — карты виною.

...Молодой чиновник собрался из столицы к родителю в Саратовскую губернию. Да повстречал в Пензе пехотного капитана. Тот в четверть часа обобрал его в штос. Пришлось бедолаге неделю куковать в провинциальной гостинице, дожидаясь от батюшки денег на дальнейший путь и с вождением заглядывая при голодном брюхе в чужие тарелки. Тут-то и заметили его неразлучные друзья Бобчинский с Добчинским. И пошла писать губерния. «К нам приехал ревизор!»

И в «Ревизоре», господа, первопричина вселенского скандала — карты.

Правда, однажды они сослужили добрую службу. Казаку в «Пропавшей грамоте». Чтоб вернуть похищенную грамоту к царице, он вынужден был трижды перекинуться с ведьмами в дурня. И, представьте, выиграл добрый христианин у нечистой силы.

И в «Мертвых душах», господа, «Мертвые души».

Чичиков по приезде в город Н. попадает на вечер к губернатору. Толстые, солидные люди — не чета тонким прощелыгам — сели за зеленый стол и не вставали до ужина. За вистом гость и познакомился с Собакевичем, Маниловым. (Описание игры у губернатора хрестоматийно.) На другой день Чичиков отправился к полицмейстеру, где с трех часов засели за вист и играли до двух часов ночи. Там, между прочим, его свели с Ноздревым.

Ноздрев решил поправить свои делишки за счет херсонского помещика, зазвал в имение. Там-то и выдал Павел Иванович бессмертную фразу «Давненько не брал я в руки шаек!» Редко кто из нас, забыв совершенно об авторстве,

не произносил эти слова. А начиналось опять же с карт в руках Ноздрева. Гость искося взглянул на них. Обе талии ему показались очень похожими на искусственные, и самый креп глядел весьма подозрительно.

От банчишки пришлось откатиться. Но искуса был велик.

Из всех героев «Мертвых душ» только Плюшкин не любил карт. Всех офицеров он считал картежниками. Но, ирония судьбы, дочь сбежала с военным. И сын, определившись против воли отца в полк, проигрался подчистую. Плюшкин послал ему свое родительское проклятье, а дочь лишил наследства.

Дела Чичикова шли в гору. Общество считало его миллионщиком. Но все карты спутал подлец Ноздрев. Заявив прилюдно на балу, что души-то у херсонского помещика мертвые. Такой удар.

А не садился бы играть с шулером на мертвые души (пусть даже в шашки, коль карты у того были крапленые), глядишь, и не всплыла бы история с мертвецами. И, обтяжав свои делишки, Павел Иванович непременно вышел бы в дамки.

А еще перу Гоголя принадлежит пьеса, действующие лица которой — сплошь мужчины. И никакой любви! (Вещь едва ли не единственная в мировой драматургии, если не брать в расчет творения соцреализма о бригадном подраде и квадратно-гнездовом методе посадки картошки). Это комедия «Игроки», посвященная карточным шулерам. Сюжетец закручен — в нынешних детективах такой интриги не найдешь. Премьера состоялась 150 лет назад. Заняты были М. Щепкин, П. Садовский.

Да, играли славно предки наши. Нам же выпала участь, прилинув к «ящику», лицезреть интеллектуальные ристалища других.

Евгений ЧЕРНЫХ.